

Э. Гофман

ДВОЙНИК

«Двойник» — захватывающий рассказ знаменитого немецкого писателя эпохи романтизма Эрнста Теодора Амадея Гофмана (нем. *Ernst Theodor Amadeus Hoffmann*, 1776–1822).

Деодатус Швенди впервые приезжает в городок Гогенфлю и с изумлением обнаруживает, что его здесь все принимают за другого человека и называют Георгом Габерландом. Он еще не знает, что в этом городке живет его двойник и что его самого ждут невероятные испытания...

Другими известными произведениями Эрнста Гофмана являются «Золотой горшок», «Повелитель блох», «Каменное сердце», «Песочный человек», «Стихийный дух», «Серапионовы братья», «Тайны», «Майорат», «Мастер Иоганн Вахт».

Эрнст Теодор Амадей Гофман прославился не только как талантливый писатель, но еще и как композитор и художник. Его литературное творчество высоко ценится и по сей день. По его сюжетам снято несколько фильмов и мультфильмов, а также написаны произведения для оперы и балета.

Эрнст Гофман ДВОЙНИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хозяин «Серебряного Барана» сорвал с головы шапку, бросил ее на землю и вскричал, топая ногами:

— Да, бесчестный кум! Да, безбожный хозяин «Золотого Козла»! Попирай своими ногами все: и честность, и добродетель, и любовь к ближнему! Ведь этот негодяй не только в ущерб для меня, не щадя денег, так раззолотил своего проклятого козла над дверьми, что мой изящный серебряный барашек имеет совсем бедный и тусклый вид, а все посетители проходят мимо него к раззолоченной двери; но еще привлекает к себе всевозможных канатных плясунов, актеров и фокусников. Теперь у этого мошенника дом всегда переполнен народом, который находит там развлечение и пьет его прокисшее, пахнущее серой вино вместо моего отличного гохгеймера и нирштейнера, и я должен сам его выпивать, чтобы оно досталось настоящему знатоку. И едва уйдет из проклятого «Козла» шайка актеров, как туда входит гадалыщица с вороном, и все снова устремляются в гостиницу выслушивать ее прорицания и разорять себя на еду и питье. А

между тем, как плохо мой безбожный сосед умеет ухаживать за своими посетителями, я могу судить уже по тому, что молодой изящный господин, который останавливался у него несколько дней тому назад и сегодня вернулся, зашел не к нему, но именно ко мне. А за ним приходится ухаживать, как за принцем. Но... Ах, черт возьми! И он идет к «Золотому Козлу»! И он хочет посмотреть проклятую гадалщицу! Как раз время обеда, а господин спешит к «Золотому Козлу», презирая кушанья «Серебряного Барана»... Ваша милость! Прошу покорнейше...

Последние слова хозяин крикнул в открытое окно, но Деодатус Швенди¹ дал себя увлечь течению толпы, неудержимо стремившейся в расположенную поблизости гостиницу.

Толпа наполнила весь двор и луг перед ним. Легкий ропот ожидания порой пробегал в рядах публики. Иные приглашались в зал, другие выходили оттуда — кто с расстроенным, кто с задумчивым, кто с веселым лицом.

— Решительно не понимаю, — говорил пожилой серьезный господин, оттесненный в угол вместе с Деодатусом, — решительно не понимаю,

¹ Так звали молодого человека.

почему правительство не прекратит этих беспорядков?

— Зачем же, — возразил Деодатус.

— Ах, — продолжал пожилой господин, — вы чужестранец и потому не знаете, что сюда время от времени приходит старуха, которая издевается над публикой с помощью своих удивительных пророчеств и прорицаний. При ней всегда бывает большой ворон, отвечающий на предлагаемые ему вопросы или, лучше сказать, болтающий всякий вздор. Хотя, говорят, некоторые предсказания ученого ворона сбывались в исключительных случаях, но все-таки я убежден, что он сотни раз ошибался самым немилосердным образом. Стоит вам только взглянуть на людей, выходящих от прорицательницы, и вы легко убедитесь, что женщина с вороном решительно сводит их с ума. Можно ли допускать в наш, благодаря Богу, просвещенный век такое пагубное суеверие!..

Далее Деодатус не слушал болтовни пришедшего в полную ярость господина, так как в это время из зала вышел смертельно бледный, с глазами, полными слез, красивый юноша, вошедший туда всего за несколько минут до того сияющим и веселым.

При этом зрелище Деодатус почувствовал, что за этой занавескою, за которую заходили люди, действительно была скрыта темная, таинственная

сила, открывавшая радостным и веселым людям неотвратимое горе, ожидавшее их в будущем, и злорадно губившая всякое наслаждение сегодняшнего дня.

И тут пришла Деодатусу мысль самому войти к гадалщице и спросить у ворога, что должны были принести с собой ближайшие дни, ближайшие минуты... По таинственному стечению обстоятельств Деодатус был послан своим отцом, престарелым Амадеем Швенди, из дальних стран в Гогенфлю.

Здесь он должен был пережить самый важный момент своей жизни, здесь должно было определиться его будущее с помощью чудесного события, о котором его предупреждал отец в темных, таинственных выражениях. Деодатус должен был увидеть здесь вновь существо, которое ранее в его жизни являлось лишь в сновидениях. Он должен был убедиться, может ли это сновидение, разгораясь все ярче и светлее из заброшенной в глубину его души искры, проявиться в его реальной жизни. Он должен был встретиться с этим сном наяву, в действительности.

Деодатус уже стоял у дверей зала и готов был приподнять занавес. Он уже слышал противный каркающий голос, когда ледяной холод пронизал его нервы и неведомая сила оттащила его назад; другие посетители прошли перед ним, а он, сам не

думая о том, невольно поднялся по лестнице и вошел в комнату, где был накрыт стол для многочисленных посетителей гостиницы.

Хозяин дружески вышел ему навстречу.

— Посмотрите-ка! — вскричал он. — Господин Габерланд! Вот прекрасно. Едва вы заглянули в отвратительную гостиницу «Серебряный Баран», как не могли удержаться от посещения знаменитой таверны «Золотой Козел». Имею честь предложить вам это место.

Деодатус понял, что хозяин обознался, но все более и более охваченный сильным нежеланием говорить, которое всегда появлялось у него после всякого сильного душевного потрясения, он не стал заниматься выяснением ошибки, но молча сел на указанное ему место. За столом разговор шел о гадалщице, причем высказывались самые разнообразные мнения; многие считали все ее искусство за простые фокусы; другие, напротив, признавали в ней действительно глубокое знание тайных жизненных нитей и объясняли таким образом ее дар ясновидения.

Маленький старый полный господин, постоянно нюхавший табак из золотой табакерки, которую он всякий раз затем вытирал о рукав своего сюртука и при этом с необыкновенно умным видом посмеивался, выразил мнение, что просвещенный городской совет, скромным членом

которого он имеет честь состоять, скоро положит конец ремеслу проклятой колдуньи, тем более, что она даже не заправская ведьма, а просто плохая фокусница. Иметь в своем кармане события жизни, годные для всякого, и высказывать их в туманных, малограмотных изречениях, через посредство ворона — совсем еще не большая премудрость. В прошлом году на ярмарку приезжал же к нам живописец и продавец картин, в лавке которого можно было купить портреты, достаточно похожие на каждого покупателя.

Все громко рассмеялись.

— Ведь это, — вскричал один молодой человек, обращаясь к Деодатусу, — касается и вас, господин Габерланд. Ведь вы сами искусный портретист, хотя все же так высоко вы не поднимались в вашем искусстве.

Деодатус, уже второй раз названный Габерландом, который, по-видимому, был художником, не мог не испытать тайного ужаса; ему почудилось, что он — его тело и все его существо — только ужасный призрак этого ему неизвестного Габерланда. Но его внутренний ужас достиг невыразимых размеров, когда в то же мгновение, прежде чем он собрался отвечать своему собеседнику, молодой человек в дорожной одежде бросился к нему и заключил в самые дружеские объятия, восклицая:

— Габерланд!.. Милый, дорогой мой Георг, наконец-то я нашел тебя. Теперь мы можем продолжать наше путешествие в прекрасную Италию. Но почему ты так бледен и расстроен?..

Деодатус ответил на объятия неизвестного ему человека так, как будто он и в самом деле был долго отыскиваемый и ожидаемый художник Георг Габерланд. Он подумал, что, вероятно, он уже вступил в круг удивительных явлений, о которых его предупреждал многочисленными намеками отец. И Деодатус был должен отдаться всему тому, что предрешила на его счет темная власть судьбы. Но ирония глубочайшего негодования против чуждого неотвратимого произвола, с какой человек всегда стремится сохранить свою собственную личность, мгновенно охватила Деодатуса. Весь вспыхнув, схватил он незнакомца обеими руками и воскликнул:

— О ты, незнакомый мне брат! Как не иметь мне смущенного вида, когда я как будто одет в другого, чужого мне человека, точно в какое-нибудь новое пальто, которое слишком узко или слишком широко, а еще жмет и давит. О ты, мой юноша! Верно ли, что я — художник Георг Габерланд?

— Я не понимаю, — отвечал незнакомец, — отчего ты меня сегодня так встречаешь, Георг? Уж не нашло ли на тебя опять то странное настроение,

которое посещает тебя, как периодическая болезнь. Но прежде всего я хотел тебя спросить, что ты подразумевал под этими непонятными словами в твоём последнем письме?

С этими словами незнакомец вытащил письмо и развернул его. Едва взглянул на него Деодатус, как тотчас вскрикнул, болезненно охваченный невидимой, враждебной ему силой. Почерк письма был точь-в-точь его собственный.

Незнакомец быстро оглядел Деодатуса и затем тихо и с расстановкой прочел ему следующие строки:

«Милый мой сотоварищ по искусству, Бертольд! Ты не знаешь, какая мрачная, болезненная и все-таки благодетельная тоска охватывает меня по мере того, как я продолжаю свой путь. Поверишь ли ты, что мне мое искусство, вся моя жизнь, деятельность и стремления кажутся часто пустыми и мрачными. В эти минуты меня утешают лишь сладкие сновидения моей веселой юности. Я вспоминаю, как я лежал, растянувшись на траве, в маленьком садике старого священника и смотрел вверх, наблюдая весенние золотые облака в утреннем ясном небе. Цветочки, пробужденные светом, раскрывают вокруг меня свои милые глазки и источают благоухания как величественную хвалебную песнь... Ах, Бертольд! А теперь моя грудь готова разорваться от любви, тоски и

страстного желания! Где найду я снова ее, кто для меня дороже жизни, дороже всего моего существования! Я надеюсь застать тебя в Гогенфлю, где я пробуду несколько дней. Мне кажется, что в Гогенфлю со мной должно произойти что-то особенное; но я не знаю, откуда моя уверенность в этом...»

— Ну, скажи же мне теперь, — продолжал гравер Бертольд, ибо именно им и был незнакомец, окончив чтение этого отрывка, — скажи же мне, брат Георг, как мог ты предать себя во власть такой меланхолии, когда ты еще так молод и находишься на пути в страну искусства?

— Да, дорогой собрат, — ответил Деодатус, — тут действительно кроется совершенно непонятная, удивительная тайна. Почти смешно, что я из глубины своей души написал тебе то, которое ты только что прочел, и что при всем этом я совсем не Георг Габерланд, которого ты...

Но в это мгновение подошел молодой человек, который еще раньше назвал Деодатуса Георгом Габерландом, и сказал, что Георг правильно поступил, что воротился сюда ради гадалщицы. Не стоит возвращаться к разговорам, которые велись за столом и в которых старались не придавать никакого значения предсказаниям ворона; в высшей степени же интересны

представления самой гадалщицы, когда она выступает в качестве сивиллы или пифии и в почти диком исступлении изрекает таинственные слова, прислушиваясь к звучащим вокруг нее тайным голосам. Сегодня она давала подобное представление в огороженном для этого месте в саду, и Георг никак не должен был его пропустить.

Бертольд между тем ушел по различным делам, ожидавшим его в Гогенфлю. Деодатус принял приглашение распить две бутылки с молодым человеком, и так время прошло до заката солнца. Общество, находившееся в комнатах, собралось между тем идти в сад. На лугу им встретился высокий худощавый, богато одетый господин, по-видимому, только что прибывший в Гогенфлю. Намереваясь пройти в комнату, он подошел совсем близко к собравшимся, устремил свой взгляд на Деодатуса и, держась за ручку двери, остановился неподвижно. Дикий огонь блеснул в его мрачных глазах, и смертельная бледность покрыла судорожно передернувшееся лицо. Он сделал насколько шагов вперед по направлению к обществу, но, словно вдруг что-то передумав, вернулся назад, быстро вошел в свою комнату и с шумом захлопнул за собой двери. При этом он пробормотал себе что-то сквозь зубы, но что именно, никто не мог разобрать.

На этот поступок незнакомца другие обратили больше внимания, нежели юный Швенди, который не придал ему особенного значения. Все направились в сад.

Последние лучи вечернего солнца освещали высокую фигуру, закутанную с головы до ног в длинное серо-желтое одеяние. Она стояла спиной к зрителям. Около нее на земле лежал, как мертвый, большой ворон с опущенными крыльями. Все были так поражены этим необыкновенным, полным ужаса зрелищем, что самый тихий шепот утих, и в немом, гнетущем груди молчании все ждали, что будет делать дальше эта фигура.

Послышался необыкновенный шелест, звучащий, точно прибой волн; он пронесся по темным ветвям и обратился сначала в неясные звуки, а потом в довольно внятную речь:

— Фосфор побежден. Очаг огня разгорается на западе! Ночной орел вылетел навстречу пробуждающимся снам!

Тут ворон поднял опущенную голову, взмахнул крыльями и взлетел, каркая, вверх. Фигура высвободила обе руки; одеяние ее упало, и зрителям предстала высокая величественная женщина, одетая в белое платье, ниспадавшее складками, с поясом из блестящих камней и с черными, высоко зачесанными волосами. Шея,

плечи и руки были обнажены и обнаруживали статное молодое сложение.

— Да это вовсе не старуха, — раздался шепот в рядах зрителей.

Вдруг послышался глухой далекий голос:

— Слышишь ли ты, как плачет и воет вечерний ветер?

Еще более удаленный голос прошептал:

— Жалоба раздается, когда светит светлячок!

Тут в воздухе пронесся ужасный, раздирающий сердце стон. Женщина промолвила:

— Вы, далекие жалобные звуки! Не вырвались ли вы из человеческой груди и потому свободно слились в сильный хор? Но вы должны звучать в воздухе, ибо царствующая на благодатном небе власть, повелевающая вами, есть тоска любви.

Глухие голоса стали сильнее:

— Надежда погибла! Наслаждение тоской любви было надеждой. Тоска любви без надежды — несказанное мучение!

На эти слова женщина вздохнула и вскричала как бы в отчаянии:

— Надежда — это смерть! Жизнь — ужасная игра мрачных сил!

При этих словах у Деодатуса невольно вырвалось из глубины души восклицание: «Натали!»

Женщина быстро обернулась и устремила на него искривленное ужасом старушечье лицо с горящими глазами. Затем, бросившись на него с распростертыми руками, она закричала:

— Чего тебе надо? Прочь! Прочь! Убийца за тобой! Спаси Натали!

Ворон тоже полетел сквозь чащу деревьев на Деодатуса, отвратительно каркая:

— Убийство! Убийство!

Охваченный диким ужасом, почти без чувств, бросился Деодатус домой.

Хозяин сказал ему, что во время его отсутствия о нем несколько раз справлялся незнакомый богато одетый господин, причем не называл Деодатуса по имени, но только описывал его наружность. Господин этот оставил записку.

Деодатус взял записку, врученную ему хозяином и адресованную вполне правильно на его имя. В ней стояли следующие слова:

«Не знаю, чему должен я приписать, неслыханной ли дерзости или легкомыслию, ваше присутствие здесь. Если вы не бесчестный негодяй, как я вынужден о вас думать, то уезжайте немедленно из Гогенфлю или будьте уверены, что я сумею найти средство навсегда излечить вас от вашей глупости.

Граф Гектор фон Целис».

«Надежда — это смерть, жизнь — ужасная игра мрачных сил», — пробормотал про себя Деодатус, прочтя эту записку. Он решился не покидать Гогенфлю из-за угроз незнакомого ему человека, которые вполне могли основываться на каком-нибудь недоразумении, и, набравшись мужества, встретить те испытания, которые готовили ему темные силы судьбы. Вся душа его была переполнена тревожным предчувствием, сердце точно хотело выпрыгнуть из груди; его влекло на свежий воздух, вон из комнаты. Наступила уже ночь, когда он, помня об угрозах незнакомого преследователя, взял свои заряженные пистолеты и отправился к Нейдорфским воротам. Он уже вышел в поле, простиравшееся за этими воротами, когда почувствовал, что его кто-то схватил сзади и прошептал на ухо:

— Спешу, спешу! Спаси Натали! Теперь самое время!

Это была старуха; она схватила его и неудержимо потащила за собой. Невдалеке стояла карета; дверцы ее были отворены. Старуха помогла ему войти в нее и сама села туда же.

Он почувствовал, как его обхватили нежные руки, и тихий голос прошептал:

— Мой милый друг! Наконец, наконец-то ты пришел!

— Натали, моя Натали! — вскричал он в ответ вне себя от восторга, бессильно падая в объятия милой.

Карета быстро покатилаь. Вдруг в глухом лесу сверкнул яркий свет факела.

— Это они! — вскричала старуха. — Еще шаг вперед, и мы погибли!

Деодатус остановил карету, вышел из нее и тихо направился с пистолетом наизготовку по направлению к мелькавшему факелу, который тотчас же исчез. Он поспешил назад к карете, но остановился как вкопанный, пораженный ужасом при виде мужчины, сказавшего его собственным голосом: «Опасность миновала», и затем севшего в карету.

Деодатус хотел погнаться за быстро помчавшимся экипажем, но выстрел из кустов уложил его на месте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Необходимо объяснить благосклонному читателю, что далекое место, откуда старый Амадей Швенди послал своего сына в Гогенфлю, было виллой в окрестностях Люцерны. Городок же Гогенфлю находился в княжестве Рейтлинген, на расстоянии шести или семи часов от Зонзитца, резиденции князя Ремигия.

В Гогенфлю было шумно и весело. В Зонзитце, напротив, господствовала такая тишина, какая встречается только в гернгутерских общинах. Все ходили там тихо, точно на цыпочках, и даже неизбежные ссоры велись полупшепотом. Об обычных для княжеской резиденции развлечениях, балах, концертах, спектаклях не было и речи, и если бедные осужденные на скуку жители Зонзитца хотели поразвлечься чем-нибудь подобным, они должны были для того ехать в Гогенфлю. Всякое веселье было изгнано из Зонзитца. Князь Ремигий, когда-то ласковый и жизнерадостный, уже много лет — иные говорили, что лет двадцать, — был погружен в мрачную тихую меланхолию, граничащую с безумием. Он хотел не покидать Зонзитца, но хотел в то же время, чтобы его местопребывание походило на пустыню, в которой мрачное молчание царит над усталостью жить и печалью. Князь соглашался видеть только немногих наиболее доверенных советников и необходимую прислугу, да и те не смели рта раскрыть, если князь их ни о чем не спрашивал. Князь ездил в карете с плотно занавешенными окнами, и никто не должен был ни единым жестом обнаружить, что догадывается о присутствии князя в карете.

О причинах этой меланхолии ходили лишь смутные толки. Насколько было известно, причиной ее послужило таинственное исчезновение